

"Приключения Буратино" в свете психоанализа литературной символики или Алексей Толстой как зеркало сексуальной революции

Концептуальный пересмотр литературного наследия — дело столь же плодотворное и заманчивое, сколь рискованное и трудоемкое. Укоренившиеся догмы в восприятии культурного феномена препятствуют любым попыткам переосмысления его содержания; заметнее всего это проявляется в отношении к художественной прозе, всегда являвшемся одним из наиболее трудно преодолеваемых стереотипов. В то же время, адекватная оценка этих произведений далеко не всегда бывает доступна современникам писателя, особенно в тех случаях, когда высказываемые им идеи опережают собственное время. В результате искаженное представление о замысле, фабуле, сути произведения довлеет над потомками, не позволяя им в должной мере оценить глубину книги и проникнуться истинной интенцией ее возникновения. Возложивший же на себя задачу ревизии критериев оценки ставшего классикой литературного наследия должен быть уверен в своих силах и обладать немалым гражданским мужеством, позволяющим преодолеть устоявшиеся в обществе стереотипы и отстаять собственную новаторскую точку зрения.

Но в первую очередь необходимо быть твердо убежденным в том, что искомая точка зрения имеет не меньше прав на существование, чем привычная, уходящая корнями в догматическое прошлое. Именно с инерцией прошлого, с устоявшейся трясинной стереотипов, с субъективным авторитетом прошедших лет приходится бороться каждому ретроспектору-аналитику, вдобавок, приобретающему в глазах общества репутацию осквернителя могил. Собственно суть опровергаемых догм отходит на второй план, ибо являясь бессознательным наследием, она способна оказывать сопротивление лишь под прикрытием аргументации суррогатного происхождения, выражающегося в ссылках на общеморальные императивы, эвфемизмы силы привычки. Надо ли говорить, что борьба эта начинается с самого себя.

Мне было ровно пять лет, когда я впервые ознакомился с чудесной сказкой Алексея Толстого "Приключения Буратино". Уже на первых страницах у меня мелькнула такая мысль: *"А является ли случайностью, что первая встреча ребенка с этой книгой приходится, как правило, именно на период инфантильной сексуальности?"* К сожалению, мелькнув, мысль эта затерялась в красочном мире сиеминутных образов любопытного ребенка, и всплыла повторно более чем два десятилетия спустя. К этому моменту герой сказки отождествлялся уже не только с участником эпизодов, созданными Алексеем Толстым, но и с персонажем бесчисленных анекдотов, идиом и спекуляций на тему великого произведения русского классика. Однако, разделив судьбу Чапаева, Винни Пуха, Чебурашки и Красной Шапочки, Буратино по праву занял первое место в списке главных действующих лиц жанра "Вторая Производная", выткнув на сцену харизматичностью своего образа персонажей второго плана — Мальвину, папу Карло, Карабаса Барабаса и многих других. Это не может не наводить на мысль, что автор "Буратино" изначально заложил в героя своего произведения гораздо больший смысловой потенциал, чем предполагали его современники — литературные критики и простой читательский люд, обманчивыми впечатлениями которых мы руководствуемся до сих пор. Наша задача — обнаружить доселе лишь интуитивно подразумеваемые смысловые пласты и сделать их доступными читателям, чтобы те смогли, наконец, полностью оценить это прекрасное и глубокомысленное произведение.

Сейчас уже трудно судить о мотивации возникновения первоисточника — итальянского "Пиноккио". Из нижеизложенного станет ясно, что для решения этой задачи от нас потребовалось бы безупречное владение языком оригинала и панорамное представление социально-культурной атмосферы Италии того времени. Оставим задачу определения генезиса этого произведения римским литераторам; повесть Алексея Толстого является достаточно автономной и самодостаточной, чтобы рассматривать ее не как авторский перевод, а как самостоятельный труд, в котором уникальным образом поднят и рассмотрен один из классических хрестоматийных сюжетов — сексуальное становление и самореализации героя, символизирующего один из базовых архетипов коллективного бессознательного. При этом, классифицируя произведение в ранг онтолого-философских и аналитико-психологических изысканий на фрейдистской подоплеке мы не должны забывать о том огромном новаторском элементе, который без преувеличения можно отнести в заслугу не просто Толстого-переводчика, но Толстого-писателя, Толстого-психолога, Толстого-философа и даже Толстого-пророка. Прозрачность литературных образов, раскрытых им в данном произведении, позволяет нам без малейших колебаний утверждать это.

Пришло время обратиться непосредственно к этому литературному артефакту. Наше переосмысление его феномена будет базироваться на рассмотрении знаковой атрибутики художественных черт главных героев книги, чтобы, исследуя их детерминанту в аспекте философско-психологической проблематики,

разглядеть в них скрытый до сих пор предикат. С перечисления этих внешних штрихов мы и начнем наш анализ. Напомню вкратце картину произведения.

Старик Джузеппе, попытавшись выстругать из куска бревна некую полезную вещь, встречает трудности с доведением своей задумки до конца и передает полено своему приятелю Карло. Тот создает из полена деревянного длинноносого мальчика, которого хочет отдать учиться, дабы тот стал помощником Карло в его старости. Мальчик, попав в мир соблазнов, бросает учебу ради развлечений, попадает в истории, борется с врагами, обретает друзей, и в конце-концов, возвращается к своим "родителям", где и встречает хэппи-энд, который успеваает заслужить последовательным воспитанием своей натуры. Частности и нюансы воплощения этой фабулы здесь не играют большого значения, ибо в аспекте той морали, которая, как многим кажется, выводится в конце книги, кот Базилио без потерь может быть заменен на кота Баюна, а лиса Алиса — на Бабу Ягу. Сам же Буратино оказывается совершенно инвариантен к замене на Иванушку-дурачка, как и Карабас Барабас — на Змея Горыныча.

А теперь я позволю себе задать вопрос — могла ли быть интересной кому бы то ни было подобная книга, если бы в изложении этого сюжета не участвовал мощнейший и очевидный элемент подтекста — иногда скрытый, а иногда откровенно до эпатажа выложенный на поверхность *"ведущей"* фабулы? Ведь никому не придет в голову, что "Приключения Буратино" обязаны своей популярности исключительно таланту писателя или той тривиальной морали, которая в сегодняшнем стереотипе отношения к книге считается безальтернативной. Наверняка в этом произведении есть еще какая-то мощная смысловая грань, настолько яркая, что один лишь отблеск ее существования придает книге столь громкое звучание и обеспечивает неувядаемую славу.

Это завуалированное содержание проглядывает в героях сказки только тогда, когда мы преодолеваем собственную зашоренность и начинаем открытыми глазами смотреть на книгу.

Здесь я позволю себе сделать небольшое методологическое отступление и напомнить читателю некоторые общеизвестные положения, на которые мне придется впоследствии опираться, а также изложить концепцию предстоящего экскурса.

В ракурсе психоанализа процесс развития личности раскладывается на несколько психологически определенных фаз, обычно достаточно устойчиво ассоциируемых с возрастом — настолько, что отклонения в ту или иную сторону называют патологиями. Каждая фаза определяется по организации либидо человека, его актуализации и сосредоточении на внешних и внутренних объектах. Соответственно, каждой фазе развития либидо соответствует своя эрогенная зона; классификация этих фаз, предпринятая еще в начале нашего века З. Фрейдом, выделила следующие пять этапов (в хронологическом порядке следования): оральнo-каннибалистический, анально-садистический, фаллический, латентный и генитальный.

Нет необходимости конспектировать здесь работы праотца психоанализа — желающие пополнить свои знания могут обратиться к его знаменитым работам: "Психология бессознательного", "Толкование сновидений", "Психоанализ, религия, культура". Мы же воспользуемся основными (проверенными временем) выводами, оперируя которыми в качестве инструментального средства, произведем кесарево сечение интересующему нас артефакту. И хотя ребенок давно просится на свет, называть переносенным его не рискнет никто, едва только наша операция подойдет к концу. Перечислим основные черты этих фаз.

Согласно психоаналитической дифференциации стадий развития, либидо начинает свое становление с орально-каннибалистической фазы. Соответствующая этой фазе эрогенная зона — слизистая оболочка полости рта. Сексуальная цель — сосание. Направленность либидо — аутоэротическая. Характерно проявления стремления к обладанию в инкорпорации, т.е. — поглощение предметов своего вождения.

Анально-садистическая фаза характеризуется агрессией, деструктивностью, негативизмом и обусловленным внешними причинами гневом. Подобные черты в поведении человека в последующей жизни являются типичными проявлениями этой фазы развития либидо и пережитков этой фазы. Также характерно проявление инстинкта смерти, Танатоса. Для этой фазы свойственно стремление подчиниться, парадоксально сочетающееся со стремлением повелевать (почтение к авторитетам, склонность к занятию положения тоталитарного лидера).

Третья по счету — фаллическая фаза. В центре ее — фаллос (или его отсутствие). Открытие пениса, обладание им расценивается как самодостаточная ценность, как качественный знак отличия. Этой фазе характерны проявления гомосексуальных тенденций, а также бессознательной враждебности к противоположному полу. Весьма симптоматично агрессивное отношение к аналитику. В ней концентрируется энергия либидо и связанная с ней агрессивность. На фоне обостряемого интереса к строению гениталий происходит открытие анатомической дифференциации полов. После подавления либидозных импульсов либидо переходит в следующую, латентную, фазу.

Латентная фаза — предпоследняя фаза детского развития, продолжающаяся с момента изживания комплекса Эдипа до половой зрелости (генитальной фазы). В этот момент сексуальное развитие как бы прерывается, а энергия либидо сублимируется и десексуализируется (примеры результатов замещения: техника, эстетские изыски, политика, деньги). Сексуальное любопытство обращается на познание окружающего мира. Фрейд обращает внимание на то, что не во всех случаях индивидуальное развитие включает эту фазу. Мы вернемся к этому замечанию немного позже.

Генитальная фаза — высшая стадия, рассмотрение которой в ее чистом виде, без примесей предшествующих фаз, обычно опускается (в анализе патологий) ввиду обретенной гармонии в отношениях личности к себе самой и к окружающему миру. На первый план выступает отсутствие нарциссизма, активность, поиск контактов с окружающими — без какой-либо патологической атрибутики. Основные черты: отношения с людьми развиваются в наиболее естественном (и продуктивном) виде, происходит полноценное задействование соответствующих эрогенных зон в цели достижения наивысшего и полноправного наслаждения с актуализированным объектом страсти в самом высоком смысле этого слова, будь то сексуальный партнер или творческий процесс. Мы также вернемся к дешифровке этой стадии в конце нашего опыта.

Теперь пришла пора связать психологические максимы, описывающие конкретного индивида, с поведением надличностных образований — социума в масштабе, значимом для нашей цивилизации. Именно подобная символика и методология использовалась Алексеем Толстым в написании рассматриваемого произведения, и доказательство этого не заставит себя ждать.

Социально-психологические исследования, доказавшие существование общих черт между законами, описывающими поведение отдельного человека, и категориями, определяющими развитие общества, вошли в хрестоматию современной науки с именами Юнга, Фромма и их многочисленных последователей. Результатами этих исследований воспользуемся и мы, когда наложим

вышеописанную матрицу, построенную на типологии единичного субъекта, на совокупность этих субъектов. Эта совокупность, в которой утрачиваются черты каждого индивида, тем не менее несет в себе полный набор психологических предикатов, поддающихся классификации на стандартной основе. Так, немало трудов написано о т.н. "психологии толпы", о "бессознательном этноса", и даже об "Его нации". Нет никаких причин, запрещающих экстраполяцию вышеописанных категорий на поведение цивилизации в целом.

Приложим выбранную матрицу к нашему объекту рассмотрения. Естественно, нам потребуется умение абстрагироваться от внешней, побочной атрибутики предметной области используемых принципов — фаллос, как орган нижней части тела, принимается даже не в метафорической форме (этот прием использовал писатель, мы еще дойдем до него), а в значении тех комплексов, которые вытекают из обладания им.

Остается определиться с последним критерием. Развитие личности оценивается по уровню ее отношений к самой себе и к окружающему миру. Глобальная оценка социумом самого себя ляжет в одну половину нашего критерия. Но что займет вторую? Альтернативы отношения общества к мирозданию, похоже, нет. Воздействия извне, которые получает ноосфера в масштабе значимых для нее событий, могут исходить лишь от окружающего мира в его глобальном философском понимании.

Таким образом, фазы развития отношения человечества к самому себе и к миру определяются организацией определенной интенции, выполняющей роль либидо на уровне цивилизации (хотя с не меньшим, а может и большим основанием можно предположить, что именно либидо конкретной личности является отголоском этого энергетического канала). Под либидо будем подразумевать все тот же инстинкт жизни, стремление к активной творческой деятельности, антитезой которым будут выступать скрыто-пассивная или направленно-деструктивная позиция, Танатос. Организация психологического характера (интенциональной парадигмы) ноосферы может быть прослежена в стадиях, изложенных ниже. Как и в индивидуальной психологии, каждая из них соответствует акцентированию внимания на тех или иных внутренних и внешних объектах. Эрогенные зоны, другими словами — зоны повышенной возбудимости, участки, подвергаемые первоочередным раздражениям, развиваются соответственно смене этих фаз, т.е. — в полном согласии с исходной теорией.

Сохраним существующее название каждой фазы развития без изменений — это послужит ассоциативной связью между двумя сферами приложения теории. Примеры, соответствующие протеканию каждой фазы, я оставляю подыскивать самому читателю — эта несложная работа послужит хорошей практикой для усвоения материала.

Общественное либидо начинает себя проявлять уже с самых ранних ступеней развития человеческого общества. Здесь буквально перенесенный денотат фазы — орально-каннибалистической — сам избавляет нас от лишних объяснений. Общество в своей первоначальной организации аутоэротично, "сексуальная" ориентация его — самонаправленная, уровень представлений о мире — минимальный (а точнее — практически никакого, ввиду исключительной концентрации интересов на вопросе выживания). Эрогенная зона — вопросы пищи и крова, крайне острая постановка которых понуждает общество (путем обращения внимания на эту эрогенную зону) развивать познавательские процессы — предтечу развития производственных отношений. Сексуальная цель — удовлетворение первичных потребностей — свободна от каких-либо рефлексий о причинах их возникновения, иных вариациях, и,

будучи достигнутой в основных чертах, знаменует наступление новой фазы, в которой решающую роль принимают попытки организовать, кроме прямой, обратную связь между миром и собой.

Наступившая анально-садистическая фаза характеризуется зарождением и первыми проявлениями инстинкта самовыражения ноосферы в мироздании. Именно в этот период примитивные верования, ориентированные на поклонение вождю племени, вытесняются религией, в которой ведущую роль играет трактовка природных процессов. Стремление к обладанию в инкорпорации уступает место желанию проявить собственные качества — по отношению к окружающему миру мазохистские, по отношению к себе — садистические. Симптоматична вытекающая из фанатического следования трансцендентным принципам агрессия по отношению ко всему живому, деструктивность к зачаткам собственного самосознания, как к достаточной ценности, а также негативизм — как следствие комплекса вины перед лицом внешнего мира и непрестанно ожидаемого гнева извне. Сразу замечу, что вплоть до наших дней в цивилизации остались рудименты, вынесенные из каждого периода, в том числе и этого, и их проявление мы воспринимаем так же, как жабры у новорожденного — их наличие есть безусловная патология, хотя в то же время мы помним, что внутриутробное развитие плода обязательно включает в себя их "прохождение". Сексуальная цель очень близка к Танатосу, ибо отождествление происходит в первую очередь с неживой природой, одухотворение которой не может происходить без ущерба для собственной витальности цивилизации. Стремление вобрать в себя цель существования природы, реализованное на примитивном уровне представлений о мироздании, актуализирует эрогенную зону цивилизации — волюнтаризм. Его концентрация приходится на власть, обратная сторона которой для самой цивилизации оборачивается насильственным (удовольствие от самопринуждения) подчинением мазохистски сформулированным задачам мироздания. Естественно, подобное положение вещей не может быть вечным — наилучшим выходом из него для цивилизации является формулирование принципов собственной значимости, автономных по отношению к окружающему миру. Таковым является определившийся к этому моменту огромный познавательский потенциал ноосферы — ее способность отражать в себе окружающий мир, анализировать его природу, внедряться в его суть, скрытую за внешне непрístupным и строгим фасадом. Мы имеем полное право провести параллель между этой познавательско-креативной (рефлексивной) деятельностью и самим фаллосом в рамках теории индивидуального психоанализа.

Мы вплотную подошли к третьей фазе развития сознания человеческого общества — фаллической. В центре ее — фаллос, т.е. активно развивающаяся натурфилософская интенция социума. Человечество подвергает резкой переоценке те идеалы, которые в предыдущей стадии с готовностью принимала в качестве руководящих. Формирование парадигмы бытия происходит по нарциссическому принципу упивания "самодостаточностью фаллоса", т.е. — исключительно в рамках "чистого разума", "чистого мышления". Тем не менее, выводы, которые получаются в результате, ненамного отличаются от ранее сформированных. "Гомосексуальные" тенденции данной стадии надо понимать в ракурсе все той же ложно понимаемой самодостаточности. Которая, кстати, обуславливает и агрессию по отношению к попыткам связать воедино внешний и внутренний мир; эти попытки обречены на провал по той причине, что внешний мир воспринимается через паранойю комплексов прежней стадии, а внутренний — через манию текущей. Тем не менее, данный этап развития весьма важен, т.к. именно в нем концентрируется энергия либидо, которая выплескивается наружу через глобальные социальные катаклизмы все той же агрессивностью (по отношению уже не только к самому себе, но и ко всему окружающему миру). Развитие гносеологических дисциплин и рост их значения соответствует обострению интереса к строению гениталий в исходной предметной области нашего инструментария, следовательно именно на этой стадии происходит открытие анатомической дифференциации полов:

на обладающего инструментом для познания мира, и на предоставляющего эту возможность (и даже — стимулирующего применение оной). Однако этот этап еще далек от зрелости цивилизации, и опыты с "фаллосом" обычно заканчиваются разочарованностью в объекте своих притязаний (сказывается не только недоступность на текущем уровне, но и относительная неготовность используемого инструмента, который — как станет ясным в последней стадии — следует применять лишь комплексно). Эрогенной зоной становится наука, и после продолжительного академического всплеска ее развития, она передает свой акцент прикладным сферам. Актуализация их знаменует наступление предпоследней стадии — латентной. Либидозные импульсы подвергаются обязательному подавлению, ибо период созревания собственно силы уже позади, а адекватного применения ей еще не найдено.

Латентную фазу с полным основанием можно назвать этапом рационализма. Собственно фаллос (в описанном выше значении) ценится очень мало, зато очень много внимания уделяется практической пользе от результатов применения этого инструмента. В данном случае речь идет не о построении углубленной картины мироздания, а о составлении классификационной картотеки разрозненных фактов, общая цельность которых уступает по значимости результатам прикладного использования отдельных акцентированных фрагментов. Эрогенная зона — стремление к потреблению; глубиной этой возможности человечество оценивает собственный потенциал. Исходя из этого, решающим фактором становится организация и власть, как имеющие первостепенное значение в развитии производственных отношений (десексуализация в исходной теории). Следует заметить очень характерную деталь — как и в случае индивидуальной психологии — именно Эдипов комплекс мешает ноосфере подняться над сексуально вытесненным интересом по отношению к родителю, выйти за границы простого потребления. Как ребенок в этой стадии обращается на познание окружающего мира — набирая впечатления, но не вдаваясь в их суть — так и человеческая цивилизация ограничивает проявление своего либидо поверхностно-статистическими изысканиями, имеющими прагматическую подоплеку. Неинтересную игрушку ребенок даже в руки не возьмет, несмотря на то, что она может быть той самой вещью, которая впоследствии пригодится ему в жизни больше всего. Однако латентная фаза не вечна. В результате последовательного преодоления комплексов, свойственных любому субъекту, обремененному психикой, человечество способно вступить на завершающую фазу своего развития — генитальную.

Естественно, находясь в настоящее время на стадии рационализма, в латентном состоянии ноосферного либидо (я отношу это не ко всей части цивилизации, но в первую очередь к западному миру, хотя фаллическая стадия полностью не пройдена даже в нем), о характере генитальной фазы мы можем лишь строить предположения. Ибо она наконец открывает перед нами мир полноценных гармонических отношений между двумя полами, двумя субъектами — мужчиной и женщиной, человечеством и мирозданием, ноосферой и ойкуменой, — отношений, доселе являющихся достоянием исключительно малого числа людей. И здесь пришло время вплотную заняться произведением великого русского писателя Алексея Толстого "Приключения Буратино".

Во-первых, в свете вышеизложенного примем за доказанное, что ведущие архетипы среза общества, сделанного в ракурсе реализации психосексуальной энергетике (либидо), способны представлять тенденции крупного общественного порядка, а на основании анализа их деятельности можно строить перспективы дальнейшего развития цивилизации. За каждым героем книги закреплена не просто архетип, ему соответствует определенная доминанта той или иной фазы развития психики социума, а следовательно взаимоотношения героев отражают борьбу не за торжество тривиальной морали, а за достижение конечной генитальной фазы. Для анализа истинных смысловых пластов "Приключения Буратино" нам потребуется динамическое рассмотрение либидозной атрибутики характеров героев

книги — как форм проявления целенаправленных и, как правило, скрытых от сознания интенций и влечений, находящихся между собой в нерасчленном единстве и неустанной борьбе... Здесь и далее предикативный анализ героев книги будет производиться в следующем порядке: сперва индивидуально-психологического символа, а затем — соответствующего ему архетипа общественного бессознательного или ведущей парадигмы в отношениях человек-природа.

Начнем со старика Джузеппе. Очень интересный характер, причем понять замысел, который вложил в него автор, можно лишь рассматривая этого героя в совокупности с другим — Папой Карло, и именно под ракурсом их ролей в появлении Буратино на свет. Итак, сюжетно-смысловая пара Джузеппе — Папа Карло. Сразу заметим — появление Буратино происходит с подчеркнутым неучастием женской составляющей: двое мужчин производят на свет третьего — главного действующего персонажа. Эта моносексуальность не случайна, в ней сокрыт намек на извечную мечту мужской половины человечества — зачатие, вынашивание и рождение ребенка без задействования женской особи. Однако при этом роль матери вынужден принимать на себя один из них, и таковым становится т.н. "папа" Карло. Именно поэтому его дальнейшее упоминание в книге прямо-таки просится на заглавные буквы — Папа Карло. На самом же деле отцом Буратино в этой диаде является старик Джузеппе. Вспомним, как обладая неким поленом, а говоря другими словами — толстой палкой, он пытается самостоятельно извлечь из нее какой-либо прок. Естественно, результаты у него нулевые. Тогда он, договорившись с Папой Карло, передает ему бревно-эстафету, говоря народным языком — *"кидает палку"* (еще один коннотационный ход, превосходно использованный автором) Папе, который(-ая) уже вынашивает сынка, рождает его на свет, становясь его генетической матерью. Инициатива же зачатия ребенка принадлежит старику Джузеппе. Приняв ее, Папа Карло лишь завершает этап формирования Буратино из предоставленного истинным отцом материала и рождает его на свет.

Именно так это выглядит в символическом ряду, построенном писателем. Я особенно хочу обратить внимание читателя на этот момент, ибо с него стартует та многогранная семиотика книги, раскрытию которой посвящен настоящий труд. Словарный оборот с бревном-палкой, столь превосходно переданный автором на жаргонно-ассоциативном уровне, дает прямые и недвусмысленные указания к верному восприятию текста, и, проигнорировав его подтекст, читатель лишается возможности дальнейшей трансляции символического содержания книги. Не стоит забывать, что А. Толстой превосходно владел не только салонной речью, но и уличным языком — факт, замалчивание которого пуританами от литературы до наших дней дает метастазы недооценки его литературного творчества.

Кстати, стоит заметить, что отношения между стариком Джузеппе и "папой" Карло лишены малейшего намека на гомосексуализм, т.е. в акте передачи бревна-зародыша из одних рук в другие настолько нивелировано чувственное, эротическое начало, что подозревать какую-либо страсть между этими двумя почтенными стариками просто абсурдно. Здесь воплощена чистая идея действительного непорочного зачатия, идея, ставящая под сомнение кажущуюся безусловность женского участия в процессе появления новой жизни. Результат ее воплощения, конечно, довольно симптоматичный, но — лиха беда начало! — и это еще один смысловой слой произведения, прекрасно коррелирующий с остальным содержанием.

Естественно, у "папы" Карло от всего этого не мог не появиться комплекс кастрации, т.е. ощущение неполноценности по отношению к нормальному мужчине. С первых секунд появления Буратино на свет Карло борется с желанием *"укоротить нос"* своему отпрыску (о символической роли носа Буратино см. ниже), но, к счастью, справляется с искушением. Эта внутренняя борьба — безусловная плата за "материнство", и автор неоднократно подчеркивает в тексте собственное сочувствие данному

герою — Папе Карло. И хотя сюжетная роль его невелика, без транссексуального материнства Карло метафорическая картина была бы неполной. Оценивая характеры Джузеппе и Папы Карло в целом можно заметить, что оба они определенно положительны, эмпатически выдержаны, социально активны, но в то же время самостоятельной выразительностью не обременены. И это тоже играет на руку авторской концепции — чем ближе характер человека к социальному характеру, тем наиболее полна его общественная адаптация — но в то же время тем меньше у него остается подлинных человеческих черт, присущих индивиду, способному заявить о себе. Стать героями произведения эта пара уже не способна, их задача — отразить идею мужчины-родителя и детерминировать появление главного героя — Буратино. При этом сам Буратино получает в наследство от своих родителей Эдипов комплекс, преодоление которого становится одним из центральных сюжетов главного контекста книги. Но об этом речь пойдет немного позже.

Подведем итоги под этими двумя типажам. Что они символизируют в масштабе *modus operandi* земной ноосферы? Очевидна параллель между действиями двух стариков и настойчивыми попытками творческой половины человечества найти тайну жизни, самостоятельно создать нечто новое *in vitro*, не прибегая к помощи матери-природы с ее капризным характером и вечно непредсказуемым результатом. Подчеркнутая симпатия автора этой идее вкупе с ее откровенно фантастическим допущением дает нам понять, что хотя ее образ и привлекает умы и чувства, но само воплощение если и станет когда-либо возможным, то лишь по прошествию не столько многих, сколько долгих стадий развития. Пройти которые, возможно, нам доведется по пути Буратино.

Вот и пришел черед главного героя. Если парочка Джузеппе-Карло еще находится в стороне от каких-либо стадий развития либидо, символизируя собой достаточно самостоятельную идею, то Буратино сразу окунает нас в мир фаллической фазы — со всеми ее комплексами и эрогенными зонами. Однако в первую очередь выясним — что символизирует сам Буратино, его внешний вид, его характер, его цели и поступки, направленные на их достижение. Учитывая знаковую окраску всего произведения и обстоятельства появления героя на свет, путешествующий одушевленный кусок бревна предстает перед нами метафорой высвобожденного либидо, раскованной сексуальности. Его символом безусловно является фаллос, сюрреалистическое акцентирование которого заключается не только в прообразе — исходной палке-бревне, но и в длинном носе (здесь писатель продемонстрировал прекрасное владение семантическими конструкциями — и нос, и ассоциированный с ним прототип являются братьями-близнецами, обладая массой общих черт: как морфологически — по выделяющейся части тела, так и лингвистически — по длине вульгарного (народного, т.е. — популярного) его названия). Также вспомним старую русскую поговорку, приписывающую прямую зависимость длины мужского члена от размера носа. Кроме этого, можно еще привести множество художественных параллелей между двумя этими органами. Так, народный фольклор оставил нам убедительные доказательства того, что простой люд не мог не догадываться об истинной подоплеке и значении выдающейся части лица Буратино; это отразилось в анекдотах следующего образца: "*Кто такой Буратино? Это Казанова вверх ногами*". Но на самом деле, Буратино представляет собой не просто сексуального гиганта, он — гипостазированная идея либидо, воплощение мужской сексуальности, ищущий приключений на свой длинный "*нос*". А чем, как ни классическим либидо, оборачивается на деле его пресловутое "*любопытство*"? Толстой изящно владел искусством комбинаторики — слово это раскладывается на "любовь" и "пытать", т.е. — искать, достигать, находить выход и удовлетворение своей сексуальной энергии.

Таким образом, Буратино является объективизацией автономизированного фаллоса, наделенного минимумом ума и максимумом маневренности для достижения единственно возможной цели.

Настойчивое подчеркивание принадлежности героя к фаллической стадии, его представительские полномочия и симптоматичные регалии, заставляют нас предположить, что автор вкладывал в эту фазу большое значение. Вероятно, не зря именно она противостоит на страницах книги прочим — латентной, орально-каннибалистической и анально-садистической (большой частью — последней). Ответ на это прост — у Буратино, как у каждого в этой фазе, концентрирующаяся энергия либидо менее всего завуалирована и искажена. Ее безусловная ценность уже свободна от несовершенства двух предшествующих фаз, и в то же время еще не ополнена отвлеченной латентной прагматикой. Конечно, в ней сексуальность Буратино еще не завершила свое формирование, и в настоящем виде представляет собой экспансивную силу, не нашедшую себе достойного приложения. Но ее важность можно оценить уже на данном этапе, перспективы ее применения начинают проглядывать уже сейчас. Поэтому автор открыто одобряет проявляемый героем "генитальный" интерес (пресловутые попытки Буратино повсюду "сунуть нос не в свое дело" — автор дает понять главному герою и читателю, что настоящее дело для носа Буратино еще впереди). За всем этим проглядывает колоссальный по своей глубине смысловой ряд, дешифровку которого мы произведем по мере описания характера героев.

Конечно же, у главного героя должна иметься какая-то маленькая, но весьма беспокоящая его деталь, которая бы разнообразила его неуязвимый характер. Для Буратино ее роль выполняет Эдипов комплекс — характерная установка ребенка по отношению к родителям, которая складывается в фаллической фазе сексуального развития. Автор сознательно ставит своего героя перед необычно усложненным вариантом этого психического гандикапа — отцов у Буратино двое. Папа Карло тоже может считаться таковым, ибо, родив Буратино, он больше ни разу не претендует на какие-либо женские роли. Вариантом выхода из этого комплекса для мальчика является идентификация с отцом. Буратино это сделать трудно, ибо отец у него совсем не "папа" Карло, а старик Джузеппе — и в силу этого главный герой стоит еще и перед задачей половой идентификации, которую он успешно преодолевает в ходе поисков себя (ибо две эти задачи неразделимы благодаря онтогенезу Буратино). Однако дается ему это нелегко — свойственная фаллической стадии агрессия ориентируется как на родителей, так и на братьев с сестрами — отсюда первоначальные конфликты Буратино с Папой Карло и друзьями-куклами (случай с Мальвиной достоин отдельного рассмотрения). Агрессия — качество, биологически присущее индивиду, своей бессознательной целью имеет самоуничтожение, питающееся энергией первичного позыва к смерти, Танатоса — тесно связана с развитием либидо, и входит составной частью в его прегенитальные организации. Однако, под руководством интенции либидо, Буратино преодолевает этот порог, за которым его ожидает счастливый финал — психосексуальный катарсис, сторицей вознаграждающий героя произведения за все преодоленные препятствия — позволяя практически миновать латентную фазу развития при достижении вождельной генитальной.

Здесь уместным будет вспомнить о феномене Золотого Ключика, как об объекте, вокруг которого разворачиваются многие эпизоды книги. Самостоятельной ценностью этот предмет, очевидно, не обладает. Даже в догматическом отношении к тексту его роль довольно-таки символична. Для чего же автор ввел эту сущность в состав произведения? Теперь мы уже понимаем, что целью этого было — помочь Буратино освободить свое "Я", дифференцировать систему ценностей на фаллический символ, как вещь в себе, и на обладающего им субъекта. Лишь открыв для себя несамодостаточность и даже неоднозначность собственно фаллоса вне интенций его обладателя, Буратино начинает видеть в себе не только свой длинный "любопытный" "нос", но и скрытую за ним индивидуальную природу. Которая, как ни парадоксально, пробуждается в нем именно с этого опыта. В этой концепции Буратино кардинально отличается от прочих охотников за Золотым Ключиком — Карабаса Барабаса и Дуремара.

Для них вся ценность фаллоса выражена убогими представлениями, характерными для анально-садистической фазы, которую они представляют, — именно это обуславливает их заикленность на попытках овладеть Золотым Ключиком.

Смысловая нить этой последовательности лежит на поверхности: умение, не погрязая в перверзиях, сублимировать собственное либидо, отличает состоявшихся индивидуумов от механически самовоспроизводящихся агрегатов, грубо созданных природой-матерью. Причем автор дает понять, что латентная фаза может быть сведена к минимуму при условии достаточно глубокой рефлексии об истоках собственного либидо и осторожном абстрагировании его проблематики. Хотя в исполнении самого Буратино это происходит через преодоление внешних препятствий, мы должны понимать, что на самом деле борьба героев произведения моделирует битвы, ежедневно разыгрывающиеся на аренах нашего подсознательного.

Но вернемся к герою произведения. Таким образом, Буратино более не является в собственном самосознании одним лишь фаллосом, и поэтому происходящее в финале произведения ритуальное вставление Золотого Ключика в Замочную Скважину, которое в аксиологии объекта "Золотой Ключик" означает его обесценивание для окружающих, для самого Буратино знаменует начало новой, полнокровной жизни. Жизни "по ту сторону занавеса". Жизни, о которой мы сами можем пока лишь догадываться по скупым колебаниям тяжелой бархатной портьеры, расшитой яркими зелеными звездами.

Анализ психосоматической атрибутики Буратино можно продолжать еще достаточно долго — глубина авторской мысли не может быть полностью оценена столь кратким трудом, каким является настоящая статья. Но уже перечисленные выше качества позволяют отнести харизматичный образ Буратино к архетипу Героя — одному из базовых в коллективном бессознательном. Именно этому архетипу свойственно сочетание гиперсексуальности и отсутствия привязанности к определенному месту пребывания. Транслируя через собственное "Я" проблематику становления либидо, Буратино в первую очередь ценен для нас тем, что достигает искомой цели. Это достоинство, достаточно тривиальное для любого главного героя, не просто тешит наше подсознание указанием на возможность успеха, но и предоставляет недвусмысленные ориентиры для разрешению сверхзадачи. Которая у каждой полноценной личности заключается в гармоничном достижении заключительной фазы сексуального развития. Препятствия, встречаемые на своем пути Буратино, отражают те ежедневные барьеры, преграды и рогатки, которые встают перед каждым из нас. Миновать их нам помогает стремление к интеграции — бессознательное желание сохранить собственную идентичность и целостность, противостоящие внешним и внутренним расщепляющим личность воздействиям. Это не просто одна из потребностей человека, это — первое условие формирования личности. И именно Буратино, несущий в себе огромный сексуальный заряд, является единственным из всех героев книги, кто способен реализовать это стремление — в первую очередь благодаря безошибочному чутью, позволяющему верно сориентировать вектор своего либидо и плодотворно воплотить его.

Итак, каким образом можно ретранслировать характеристику вышеописанного героя на язык онтологических символов? Представляя собой образ-идею ноосферного либидо, сексуальная организация Буратино рассматривается как процесс определения правильного отношения цивилизации к себе самой и к миру, который составляет среду ее обитания. Акцентируя внимание не безусловной ценности, которой обладает наша цивилизация — способности к познанию внешнего мира и отражению его в результатах своей деятельности, автор подвергает тщательному и беспристрастному анализу те парадигмы, которые позволяют в настоящее время этой ценностью

оперировать. Да, способность человеческого общества (как и отдельно взятого индивидуума) к рефлексивно-креативной деятельности в процессе эволюции вида *homo sapiens* значительно возросла. Да, это качество заслуженно воспевается и всеми силами стимулируется. Однако — свободны ли наши попытки применять этот бесценный инструмент от перверзий и комплексов, доставшимся в наследство от предыдущих стадий нашего развития? Наверняка мы эксплуатируем его так же неосмотрительно, как Буратино-ранний — свой собственный "нос", подстегиваемый бесцельной потенцией своего любопытства. Но что же это за комплексы?

Если читатель внимательно следил за ходом анализа, он уже понял, что основная преграда, которую преодолевает Буратино, помимо освобождения от поглощенности "носовой самодостаточностью", это — Эдипов комплекс. Мальчику-герою тяжело определиться в рамках и задачах проявления своего либидо до тех пор, пока над ним тяготеет образ отца, как сексуального конкурента. В случае с коллективным бессознательным, у которого образ матери-природы и отца слиты воедино (Папа Карло и Джузеппе), необходимым решением проблемы может выступить только одно — преодоление своей абсолютной зависимости и подчиненного положения от родителя и прекращение акцентирования своих сексуальных интересов на ближайших родственниках. Другими словами, ноосфера должна оценить ту роль, которую сыграла в ее появлении природа, прекратить бессознательные попытки посягнуть на ее целостность, перенять опыт, который природа всегда готова передать, как каждый родитель своему ребенку, и — выбрать наконец себе объект, достойный себя. Последняя часть, безусловно, относится к генитальной фазе, к рассмотрению которой мы постепенно приближаемся.

Таким образом, цивилизации следует в первую очередь осознать важность имеющегося у нее инструмента, научиться ценить его и понимать возможности, которые открываются при его адекватном использовании. Самоупивание обладанием собственной потенции, перверзии, искажающие представление об ее предметной области — вот то, что мешает нам достичь заветной цели, так же, как Буратино мешали его неграмотность и самомнение. Идентификация с отцом, которую прошел Буратино в процессе развития сюжета, для человеческой цивилизации выражается в эквализации качеств мироздания своим собственным качествам, в сопоставлении интенции, полученной нами в наследство от природы, с самой сутью природы, как бесконечному циклу возрождения-себя-в-потомках. Способность принять участие в этом цикле, увидеть в "носе" не просто "член", а эстафету, которую передает нам лидер, — все это становится возможным лишь при условии освобождения от детских болезней путем осознания себя и мира, используя для обеих сущностей одни и те же императивы.

Образ Буратино безусловно гораздо глубже, чем мы успели показать, но основные его штрихи можно считать переданными. Пора обратиться к остальным героям — как сопутствующим Буратино в его поисках себя, так и противящихся этому процессу. Анализ их характеров, безусловно, не займет столько места, сколько предыдущий, и это не удивительно — в большинстве случаев значение этих героев заключалось лишь в создании ситуаций, которые позволяли проявиться положительным качествам главного героя или заставляли его преодолевать свои недостатки.

Одной из таковых выступает Мальвина со своим верным спутником — Артемоном. В самой книге Мальвина — маловыразительный образ капризной куклы. Ее характер, зацикленный на "хороших манерах", столь раздражающий Буратино, — не более чем пример отношений, в которых комплекс кастрации играет определяющую роль. Едва завидев Буратино, Мальвина пытается подчинить энергию его либидо собственным представлениям о "грамоте" поведения. Зависть к главному герою за то, что он обладает столь длинным носом, вымещается в виде строгих уроков, никому не нужных, но

тешащих сознание Мальвины иллюзией причастности к потенции главного героя — опосредованно ее власти над ним, единоличным владельцем "носа". Однако Буратино подсознательно чувствует бессмысленность этих уроков и неквалифицированность учительницы, поэтому откровенно выражает свою им оценку. Буратино издевается над Мальвиной, демонстративно окуная нос в чернильницу, и столь же демонстративно капают с носа на стол. Очевидность и неприемлемость намека настолько шокируют Мальвину, что она прекращает все попытки овладеть Буратино и дистанцируется от того, *"у которого капает с..."*. Еще бы — хэппенинг, произведенный Буратино, полностью исключает его из круга культурных представлений мещанки Мальвины. Буратино показывает, что он уже не допустит к своему либидо первого встречного, а это позволяет нам предполагать, что он начал внимательно относиться к факту наличия у него "носа", равно как и понимать *вытекающие* из этого факта опасности.

Здесь очень уместным будет рассмотреть постоянного сопровождающего Мальвину — черного кудрявого пуделя Артемона. Каково значение этого образа в сюжетной линии произведения? Представьте себе — оно чисто оформительское; может же Толстой позволить себе проявить чувство юмора! Эта деталь — не более чем эстетическая виньетка, одной лишь аллюзией связанная с основной картиной. Думаю, читатель уже сам догадался — что именно подразумевал автор под образом Артемона — только королевские пудели способны символизировать своей кучерявой шерстью определенную часть человеческого тела — мужской или женский лобок. Его обособившиеся самодостаточные функции в применении к хозяйке-владелице Мальвине — символ той роли, которую соответствующая часть тела выполняет в жизни каждой женщины, обозначая центр внимания ее интересов.

Писатель проявил достаточно злую иронию по отношению к каждой "красивой кукле" нашего общества, продемонстрировав ее нарциссическую натуру в символике игр с собственным "пуделем", и даже дав определенный намек на мастурбационный период в развитии субъекта. Конечно же, эти характеры также отражают проблемы, переживаемые нашим бессознательным. Та подчиненность женским интенциям, та гедонистическая феминизация культуры и переориентация производства, которые происходят уже давно в нашем обществе (даже до того, как оно стало откровенно называться "обществом потребления" — рафинированным образцом женской деятельности) — все это свидетельствует о том, что человечество пока еще слишком слабо, чтобы продемонстрировать самозваным учительницам достойную их действиям оценку. В настоящее время, время подъема латентной фазы, эти преподавательницы ведут нашу цивилизацию за *"нос"*, и она послушно следует за их рукой, хотя рука эта не способна начертать ничего, кроме бессмысленно-изотропного: *"А роза упала на лапу Азора"*.

А рядом стоит Артемон, которого можно потрепать за загривок, но который может и укусить за попытку отклонения от своих обязанностей.

Пришла пора обратиться к антигероям, непосредственно противостоящим главному действующему лицу. Кто и что несет угрозу для Буратино? Кроме его собственных внутренних проблем, извне противником для Буратино является педофоб и некрофил Карабас Барабас, застрявший на анально-садистической фазе. Первое, что бросается в глаза читателю — откровенная нелюбовь этого персонажа ко всему живому. Карабас находит особое удовлетворение в общении с театром кукол — неживых существ, моделей характеров, высушенных деревяшках с тряпичными головами, общении с одной целью — унижения их достоинства, подчинении себе символизирующих этими куклами человеческих качеств. В этом ему составляет компанию гельминтофил Дуремар, у которого в силу

характерной для анальной фазы концентрации либидо в области эрогенной зоны слизистой прямой кишки произошло сильнейшее смещение системы ценностей. Вместе они являются хрестоматийным примером т.н. "анальной триады", воплощая в себе три основные составляющие анального характера: упрямство, скупость и сверхисполнительность (или педантизм). Карабас усугубляет эти характерные отличия свойственным ему, как директору "театра кукол", комплексом Геракла — ненавистью отца ко своим детям (куклам).

Причина этого — в свойственном представляемой им фазе развития стремлению к превосходству — одной из невротических и неконструктивных форм преодоления комплекса неполноценности. Субъект стремится к демонстрации своей значимости, ценности, жаждет доминировать в общественных процессах, но в то же время — не способен совладать со своим внутренним миром. Карабас Барабас, управляя своим театром, постоянно руководствуется принципом "экзистенциального выигрыша". Речь идет о мировоззренческом выводе, которые позволяет поддержать устойчивую положительную самооценку и возложить ответственность за конфликт или неудачу на окружающих.

Карабас Барабас изначально идет по неверному пути, когда идентифицирует с собой свои владения, свой театр кукол. О том, что он относится к театру, как к части своего "Я", автор неоднократно упоминает в тексте, причем несколько раз — устами самого антигероя. Включив внешний объект в систему собственного "Я", Барабас начинает относиться к нему, как если бы объект действительно являлся его принадлежностью, а не был позаимствован извне. В результате — полная деградация личности директора, попытки скрепить рушащийся внутренний мир путем овладения Золотым Ключиком, бесплодные все из-за той же идентификации с предметом вожделения.

Вспомним также вполне характерный для анально-садистической фазы комплекс "маленького пениса", когда субъект испытывает чувство неполноценности оттого, что его половой член слишком мал. Естественно, по сравнению с кем-то другим, кажущимся эталоном или хотя бы нормой. Надо ли говорить — как раздражает Карабаса Барабаса внешний вид и поведение Буратино! Чувство откровенной зависти, уязвленного самолюбия — вот то, чем руководствуется директор кукол, когда подвешивает Буратино вниз головой, подчеркивая тем самым желание видеть его "нос" висящим к низу, а не гордо торчащим на уровне своего густо заросшего подбородка.

Очевидно, что всем вышеперечисленным Карабас Барабас демонстрирует нам "прелести" авторитарного характера — одного из социальных характеров. Биологической базой для развития этого типа является анальная фаза либидо со свойственной ей дихотомической парой качеств "активность-пассивность", порождающих садизм и мазохизм. Главное для этого типа характера — отношение к власти и силе. Фромм писал по этому поводу: *"Для него существуют два поля — сильные и бессильные. Сила автоматически вызывает его любовь и готовность подчиниться... Бессильные люди и организации автоматически вызывают его презрение... Человек другого типа ужасается самой мысли напасть на слабого, но авторитарная личность ощущает тем большую ярость, чем беспомощнее его жертва"*. Для авторитарной личности характерно стремление чувствовать свою принадлежность к какой-либо мощной и непреодолимой силе, полностью подавляющей волю. Эта черта называется экстернальностью, и в произведении соответствует характеру Дуремара.

Подчеркнутое противостояние биофилии Буратино барабасовской некрофилии дает нам понять, что автор считал эти две фазы — центральным участком борьбы как в отдельно взятой личности, так и во всем обществе. Неоправданно возросшая роль неживого в современном мире, деструктивные

составляющие в интенциях нынешнего поколения, агрессивное отношение к окружающему миру (прекрасно уживающееся с мазохистскими тенденциями), все это — результат анально-садистического наследия, доставшегося нам от незавершенной фазы развития нашего коллективного либидо. Креативность, расцениваемая как грубая сила, без соответствующей культуры и цели ее применения — может служить только Танатосу; ее приобретения, а говоря точнее — завоевания — создают лишь временную иллюзию обладания. Разрушить эту иллюзию может только осознание истинных масштабов своего потенциала и концентрация усилий на адекватной нашей сексуальности цели.

В настоящее же время вышеупомянутый экзистенциальный выигрыш прекрасно демонстрируется на примере отношения цивилизации с ойкуменой — сколько раз первая возлагала вину за собственные неудачи на вторую! Здесь экзистенция, т.е. — бытие — вписывается в парадигму на уровне представлений, характерных для анально-садистической фазы развития коллективного бессознательного. Механизм идентификации, которым человечество столь неумело обращается, антропоцентрически извратил окружающий мир в виде театра, на котором социум спешит разыграть собственную постановку, претендуя на роль режиссера на том лишь основании, что некоторые из предметов реквизита находятся в его руках. То, что многие из этих предметов являются бутафорией, сделанной "руками" самого социума, к сожалению, не смущает властолюбивое коллективное бессознательное. К огромному сожалению, почти все заслуги, которыми цивилизация гордится в настоящее время, столь же мало выражают ее суть, как и бывшие владения несостоявшегося директора театра кукол. А ведь мы можем не просто быть реальными королями, надевая настоящие, а не фальшивые короны, но и создать свой собственный театр, как это в конце-концов удалось сделать герою книги — Буратино.

Пожалуй, в качестве дополнения к вышесказанному стоит коснуться характеров Лисы Алисы и Кота Базилио. Большой смысловой нагрузки они не несут, всего лишь служа делу оживления действия, когда из фокуса повествования временно выходит герой книги или его главный враг. Оба эти персонажа (Алиса и Базилио) прочно застряли на орально-каннибалистической фазе развития, о чем свидетельствует примат животных удовольствий в их жизни: физиологическая акцентуация (пример реализованной мечты — роскошный ужин в харчевне), паразитическое существование за счет окружения и полное отсутствие какой-либо креативной деятельности. Надо заметить, что используя их характеры автор книги выстраивает строгую иерархию, соответствующую чередованию фаз сексуального развития: орально-каннибалистические Лиса Алиса и Кот Базилио подчиняются анально-каннибалистическому Карабасу Барабасу; тот, в свою очередь, откровенно пасует перед остановившейся на латентной фазе Тортилой; а всех их вместе оставляет позади себя Буратино — последовательно выбираясь из лап или владений представителя каждой стадии, другими словами — преодолевая свойственные им комплексы в самом себе.

Тем не менее, социальное значение характеров нищих, к сожалению, не исчерпалось до наших дней, о чем ежедневно свидетельствуют лидирующие архетипы современного социума. Здесь можно только снять шляпу перед пророческим гением писателя, позволившем ему предугадать непреходящее влияние данной фазы развития на практически любом этапе эволюции ноосферы. Негативный аспект ее роли достаточно безусловен, чтобы добавлять что-либо в ее осуждение.

Вместо этого рассмотрим представителя последней фазы, непосредственно предшествующей генитальной — как в развитии личности и (надеюсь) социума, так и в самой книге. Знакомство Буратино с Тортилой происходит почти в самом конце произведения, во всяком случае, после этого эпизода значащих встреч у главного героя больше не происходит. Поверхностное чтение произведения

может создать обманчивое впечатление, что Черепаха Тортила — проходной персонаж. Это действительно так, но не в смысле — маловажный, а в значении — проходная стадия, фаза развития, которая может быть сведена к незаметному минимуму, но может и затянуться надолго, если создать вокруг себя замкнутый мирок, отрезав его от остального окружения.

Однако, сначала рассмотрим содержание самой встречи Буратино с Тортилой. Как ни странно, даже сами обстоятельства их знакомства имеют значение для понимания характера Черепахи и представляемого ею символа. Явление Тортилы происходит именно тогда, когда Буратино нуждается в помощи, совете и поддержке, т.е. — во время кризиса либидо, неизбежно следующего из преодоления анально-садистической фазы. В этом состоянии личность подсознательно готова принять помощь в любом виде, не исключая мистические и неправдоподобные варианты. "Волшебный помощник" — это воплощенная в чем-либо или ком-либо потребность субъекта в защите и опоре, некоей внешней силе, которая бы помогла ему осуществить его заветные желания, а также избавить от чувства страха, одиночества, униженности. Аналогичную ситуацию переживает, например, Золушка в не менее известной сказке. Волшебница в "Золушке", равно как и предметы, наделенные аналогичной силой — суть выражение овеществленных или персонифицированных помощников. Обладающих при этом одной общей чертой — отсутствием собственных желаний, выпотрошенной интенцией, ставшей из вектора скаляр, т.е. — достигшие *возможностей реализации* за счет утраты *персональных потребностей* их применения.

И это тоже не случайный элемент, а тщательно продуманный автором штрих, дополняющих характер Тортилы до полного соответствия латентной фазе развития либидо. Апатия — одна из форм психологической защиты в экстремальных условиях, когда психические травмы многократны и чрезвычайно интенсивны. Она проявляется в общем снижении уровня потребностей и активности, а также в отрешенности от окружающего мира. Тортила в своих откровениях неоднократно упоминает преследования, которым она подвергалась со стороны Карабаса Барабаса с Дуремаром, выказывая тем самым не оставивший ее страх перед атавистическими предшественниками ее нынешней стадии. Да, освободившись от комплексов, свойственных первым двум фазам, осознав последствия, которые они несут, трудно не впасть в ужас и не отгородиться от каких-либо внешних раздражителей. Желание остановить собственное развитие можно понять, но ни в коем случае нельзя разделять — ибо в противном случае каждого ждет болото с тихой спокойной водой, зеленой тиной, ручными пиявками и послушными лягушками.

Буратино не остается с Черепахой Тортилой в ее уютном мирке, для этого у него слишком сильно развита его сексуальная интенция. Вместо этого он обретает свое "Я", получив в распоряжение Золотой Ключик, символизирующий с этого момента тот самый инструмент, с которым до сих пор Буратино идентифицировал самого себя. Объективно оценивая свои возможности, представляя предметную область применения своего либидо, владея сформировавшимся Ключом, осознавая свое "Я" — Буратино остается лишь достичь заветной каморки Папы Карло, чтобы наконец реализовать себя, "открыв" свой "театр".

Что можно добавить в пояснение Тортилы как социального архетипа? Думаю, нет нужды говорить, что нынешнее состояние бессознательного цивилизации даже в лучших его примерах может быть отнесено лишь к латентной стадии. В остальной, подавляющей части, безраздельно царят Карабас Барабас с Дуремаром, нещадно эксплуатируя нищих духом — Лису Алису и Кота Базилио. Творческие

процессы опосредованны тем убогим утилитарным представлением о нашем "Золотом Ключике", которое осталось нам в наследство из прошлых веков, причем — далеко не из лучшего их опыта.

Думаю, в этом ракурсе будет не лишним вспомнить те самые пять сольдо, с которыми одно время носится Буратино — до тех пор, пока их не выманивают пронырливые нищие. Когда возникает опасность, Буратино прячет их в собственный рот. Казалось бы — просто глупая попытка избежать ограбления, которая удаётся лишь в соответствии с законами жанра, позволяющим из ничего создавать преграды перед героями, равно как и магически разрушать их. Однако поверхностный взгляд не может быть принят за критерий оценки такого глубокомысленного произведения. В данном эпизоде содержится достаточно прозрачная метафора: понимая истинное значение носа Буратино, его рот может расцениваться как соседствующее с данным органом анальное отверстие. Пять сольдо, это безусловно намек на таланты из известной притчи, которые отец раздал своим сыновьям. Свои таланты Буратино засовывает в (прошу прощения) собственную задницу, вербализируя известную народную идиому (совет), с помощью которой подчеркивается бесполезность той или иной вещи. В конце-концов, для тех, кто не понял эту метафору, автор даёт второй, ещё более прозрачный намек — Буратино все-таки зарывает свои сольдо в землю, естественно, с той же самой бесперспективной и бессмысленной целью. Здесь Толстой настойчиво проводит мысль о полной независимости путей реализации либидо от каких-либо атрибутов прагматического порядка. Талант, направленный на утилитарное использование, можно зарыть в землю без каких-либо потерь для личности, им обладающей — вот истинная фабула этого плана повести. В приложении к цивилизации эта идея начинает звучать ещё более злободневно — успехи общества потребления, создавшего свою систему ценностей, могут оказаться сущей ерундой, если посмотреть на них с высоты, которую эта цивилизация достойна занимать. Может быть, для этого цивилизацию потребуется подвесить за ноги на дереве — чтобы усердно удерживаемые за её стиснутыми зубами пресловутые пять сольдо выпали-таки на достойную их Землю Дураков. Трудно сказать — какое состояние относительно нынешнего будет для неё более приемлемым в аспекте завершения её развития — достижения ноосферой генитальной фазы. Зубы, в конце-концов, можно и просто выбить, вопрос: выпадут ли деньги? И в них ли проблема.

На этом мы подходим к рассмотрению финала произведения, к анализу подтекста его содержания. Но для этого вернёмся ненадолго в самое начало, чтобы верно понять ту смысловую линию, которая, как принято выражаться: *"красной нитью проходит через все произведение"*.

По сути, все происходящее с героями и антигероями заключено в затяжном акте дефлорации, в проникновении в суть, в лишении девственности, в переходе на половозрелый этап отношений. Вся фабула очерчена с одной стороны — первым надколом, совершенным носом Буратино по его примитивному безотчетному любопытству; и завершающим прорывом (breakthrough), венчающим успешные действия главного героя... Да, апофеозом произведения является великолепно оформленный и эмоционально насыщенный эпизод дефлорации, метафорически выраженный в протыкании Буратино собственным носом полотна с изображением горящего очага. Неприкрытость намеков не оставляет никаких сомнений в задаче, которую ставил перед собой автор произведения; "очаг", он же — средоточие тепла — как совершенно прозрачный намек на женское лоно, на гениталии, на конечный пункт назначения как каждого Буратино вообще, так и его носа в частности. Глубокая психологически-философская подоплека этого события заключается ещё и в том, что проткнувши "холст" Буратино не ограничивается засовыванием внутрь "очага" собственного носа, он залазит туда сам, тем самым подчеркивая инфантильное стремление вернуться в лоно матери — раскрывая имплицитное желание каждого буратино-мужчины войти в лоно самому, убегая от смерти, чтобы затем

выйти из него в виде детей, обессмертив себя "потомством", образ которого заключен в героях театра, предстающего в распоряжение Буратино за разорванным очагом. Как не вспомнить шекспировское "мир — театр", ведь очевидность парафразы лежит прямо-таки на поверхности аллюзий: лишившись девственности, Буратино преодолевает преследование старого мира, пересиливает его каноны и возрождается в виде потомства преданных детей-актеров, каждый из которых несет в себе частицу великого образа пронырливого и неунывающего фаллоса, твердого и длинного, как сук дерева.

Что можно сказать в дополнение к этому? Предоставив читателю ключ к толкованию символов и образов, заложенных гениальным писателем, мы теперь можем уступить инициативу его мышлению, его способности извлекать истинное содержание из этой прекрасной книги. От себя можно лишь добавить некоторые предположения, которые ни в коем случае не должны быть расценены как реконструкции авторских мыслей.

Мне кажется, что эволюция нашей цивилизации еще далека от достижения этапа "Я"-стабильности — степени интеграции, зрелости, образно выражаясь, "Здоровья Я". На этот вывод наводят тенденции, заметные даже при поверхностном взгляде. Но в то же время эти тенденции позволяют надеяться на ожидающее нашу ноосферу открытие себя, на достижение той фазы, которая знаменовала приключения героя книги. Для этого достаточно извлечь верные уроки из этого произведения, которое, как и многие до и после него, указывало на подстерегающие нас опасности, называло противостоящих нам врагов и давало советы по достижению заветной цели.

Говоря языком психологии, задача, которая стоит перед ноосферой: преобразовать "Я"-невротическое в "Я"-стабильное. В чем их разница? В противоположность невротическому "Я" стабильное "Я" характеризуется отсутствием всякой примитивной или инфантильной враждебности (влияние "Оно"); отсутствием идей самообвинения, имеющих архаичные корни (влияние "Сверх-Я"), отсутствием инфантильной переоценки собственных возможностей; функционированием в полном соответствии с реальностью.

Характерно, что формулировка эта построена на негативном принципе: отрицания неких качеств, которые имеются в настоящий момент. Можем ли мы, находясь в настоящей стадии развития, добавить в нее какой-либо положительный, конструктивный элемент? По сути дела, для этого нам потребовалось бы сформулировать и описать ожидающую нас генитальную фазу. Можно ли сделать это в настоящее время? Думаю, что некоторые штрихи нанести можно уже сейчас, но делать это необходимо с большой осторожностью, отдавая себе отчет в интуитивности допущений, которыми мы можем оперировать. Ведь даже обогнавший нас в своем развитии Буратино в конце книги до самого последнего момента не имеет никакого представления — что же ему откроется за магической дверью. Удивление и восторг, которые испытывает главный герой — ничто, по сравнению с ожидающим нашу цивилизацию. При условии, естественно, успешного ее продвижения по пути эволюции.

Как говорилось в самом начале, индивидуальное развитие может практически миновать латентную фазу. Это же относится и к социальным группам, в которых некоторые личности вырываются вперед, сразу из фаллической стадии — в генитальную. Подобное возможно, если суть имеющегося инструмента своевременно оценивается и объективно осмысливается в ракурсе как академически понимаемого потенциала, так и практического его применения. К сожалению, цивилизация в целом уже успела оценить "прелести" латентной фазы, и ее самовлюбленное черепашьё погружение в болото распыляемого либидо свидетельствует о том, что процесс этот не только неизбежен, но и будет продолжаться еще много лет. Хочется, впрочем, надеяться, что не бесконечно. Пиявки и лягушки, тина

и гниющие водоросли, пузыри сероводорода, поднимающиеся из трясины, — все это уже успело надоесть тем, кто в своем индивидуальном развитии вырвался вперед. Будет только правильным, если лидеры не станут ждать отстающих, а продолжат собственные поиски своих Золотых Ключиков.

Самой же цивилизации можно пожелать внимательнее относиться к артефактам своей культуры, не заикливаться на латентной стадии так же, как она не остановилась в предшествующих двух (хотя и растянулась своими представителями по всему спектру), осторожнее быть в определении отношения к личности, ибо за каждым из нас стоит — свой театр, свое мироздание.

Спасибо за внимание.

На подходе очерк: **"Астрид Линдгрэн, как пропагандист гомосексуальной педофилии и апологет наркотического эскапизма в произведении *"Малыш и Карлсон, который живет на крыше"*".**

© Валентин Лохоня 1998.10.24

<https://nonnihil.net>